

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Приобье
глазами археологов
и этнографов

Материалы и исследования
к “Энциклопедии Томской области”

Издательство Томского университета

1999

Проблема преемственности в расположении Томского города первой половины XVII в. и кремля 1648 г.

М.П. Чёрная

Работа выполнена при поддержке программы «Интеграция», проект № 238

На первый взгляд проблемы местоположения города-кремля в Томске как будто не существует, ведь из глубины веков пришло к нам знание о размещении кремля на южном мысе Воскресенской горы. Но углублённое изучение вопроса и особенно появление новых, археологических, источников заставляют признать наличие серьёзной проблемы, которую можно сформулировать следующим образом: всегда ли кремль размещался на известном и привычном для томичей месте, если нет, то где первоначальное местоположение кремля и почему состоялся его перенос на новую площадку.

На основании историографического и источниковедческого анализа попробую дать авторский вариант решения проблемы.

В историографии сложилось устойчивое мнение о том, что кремль 1648 г. был построен на том же месте, что и «город» 1604 г., априорно признавалась общность территории, занимаемой городом-кремлём на разных этапах его существования, с той лишь разницей, что со временем площадь кремля возрастала (Географический Лексикон..., 1773, с. 394; Адрианов, 1890, с. 5; Пугачев, 1947, с. 157; Кабо, 1949, с. 54-55; Бояршинова, 1950, с. 118-119; Прибыткова, 1955, с. 109; Попов, 1959, с. 8-18; Заплавный, 1978; Кочедамов, 1978, с. 62; Емельянов, 1984, с. 20; Элерт, 1988, с. 73; Резун, Васильевский, 1989, с. 257-258; Люцидарская, 1992, с. 15-17; Томская область, 1994, с. 51-53). Именно из убеждённости в том, что южный мыс Воскресенской горы и есть тот самый «знатной вершины пригорок», на котором был основан Томск, исходил Н.М. Петров при реконструкции города и острога первой четверти XVII в., хотя для него и стало «камнем преткновения» наложение модели города на топографическую основу, поскольку юго-западная площадка мыса оказывалась «пустой», находилась вне стен города (Петров, 1956, с. 63, 73). Несоответствие модели города топографической ситуации мыса Н.М. Петров объяснял недостатком времени для строительства полнометражной стены вдоль южного и западного склонов горы.

Однако этот аргумент, неоднократно повторенный в литературе (Очерки истории города Томска, 1954, с. 7-8; Попов, 1959, с. 10; Пугачев, 1961, с. 14; Томская область, 1994, с. 51), не выдерживает критики. Во-первых, потому что за последующие 23 года (с 1604 по 1627 г.) можно было изыскать время для обнесения стеной незастроенного участка, чего, судя по «Росписи» 1627 г., сделано не было. «Задняя» стена так и осталась «мерою шесть сажен», очевидно, по той причине, что расположение «сте-

ны городской задней от Мельнишного бугра» не позволяло увеличить её длину. Естественно предположить, что задняя стена размещалась не по южному контуру Воскресенской горы, длина которого была примерно в 5 раз больше, а находилась где-то в другом месте. Составители макета искажали реальную историческую ситуацию, загородив стеной всю юго-западную площадку мыса (Петров, 1956, с. 77), чем «грубо нарушили указания росписи», от чего предостерегал и сам Н.М. Петров (Там же, с. 73). Во-вторых, как показывает практика русского градостроительства, 3–4 месяца – это средний по продолжительности срок, в течение которого рубился город в два и более раза крупнее тогдашнего Томска; для постройки столь небольшого города, с периметром стен всего около 200 м, указанный срок был вполне достаточным, тем более что «работа шла чрезвычайно быстро» (Миллер, 1937, с. 313).

Уверенность в совпадении координат города первой половины XVII в. с кремлём середины XVII в. объясняется, видимо, тем обстоятельством, что южный мыс Воскресенской горы прочно закрепился в памяти поколений как место расположения городского центра. Однако, если обратиться к источникам, а не их интерпретации в литературе, оказывается, что топографические указания единичных источников XVII в. весьма приближительны. «Книга Записная» о первоначальном расположении Томска сообщает: «Во 109 году (1601 г. – М. Ч.) ... поставлен Томской город острогом на Томе реке, вверх от Оби реки, на горе над Ушайкою речкою» (Книга Записная, 1973, с. 8). В источнике, как видно из цитаты, отсутствует точная привязка «города» к местности.

«Роспись» 1627 г., в которой описывается Томский город, построенный уже не острогом, а в технике городен, не даёт ориентировки города и острога по сторонам света, а привязывает их к географическим объектам: «от Ушайки реки», «от болота», «от Томи реки». Предложенная Н.М. Петровым схема взаимного расположения Томского города и острога и размещение им стен по сторонам света («передняя» – северная, «от болота» – восточная, «задняя» – южная, «от Ушайки» – западная) есть не прямое указание источника, а интерпретация исследователя (Петров, 1956, с. 64, 69, 72).

Текст «Росписи» 1627 г. труден для понимания, описание города и острога составлено таким образом, что допускает неоднозначное его истолкование. В «Росписи» сообщается о количестве стен в городе и остроге, но не уточняется число башен, что стало причиной неточности, допущенной Н.М. Петровым, посчитавшим, что в городе было *четыре* башни: две воротные в передней и задней стенах и две глухие наугольные (Там же, с. 71). В «Росписи», при неоднократном упоминании наугольной башни, даны размеры только *одной* наугольной башни «дву сажень с локтем», которая стояла «в стене городской четвёртой от Ушайки реки от Бугрового Мельнишного бугра» (Там же, с. 66). Ошибка Н.М. Петрова легко устанавливается и при сопоставлении со «Сметным списком» того же, что и «Роспись», 135 года, где написано: «А по томскому же списку прошлаго 134 году в Томском городе в стенах 2 башни с воротами и башня глухая»,

т.е. всего *три* башни. Очевидно, что оба источника описывают один и тот же город и никаких изменений «с прошлаго 134 года» по «нынешний 135 год» не произошло, в противном случае о строительстве новой башни, а тем более нового города, в соответствии со сложившимся порядком ведения документации, было бы упомянуто. «Сметный список» 135 года был опубликован в 1910 г. (Томск ..., 1910, с. 28–29), знакомство с этим источником помогло бы Н.М. Петрову правильно прочесть «Роспись» и избежать досадной оплошности.

Несоответствие числа башен действительности ломает всю реконструкцию Н.М. Петрова, поскольку «изъятие» одной башни ведет к перемещению координат башен в стенах, меняет размещение самих стен, а значит, и взаиморасположение города и острога. Сам автор признавал, что предложенный им план является только вариантом расположения первоначального Томского города и острога, в который могут быть внесены исправления и уточнения, особенно в связи с продолжением архивных изысканий и проведением квалифицированных археологических раскопок на Воскресенской горе (Петров, 1956, с. 74, 75).

«Роспись» 1627 г., по справедливому замечанию П.М. Головачёва (Томск ..., 1910, с. 14, 15), даёт лишь приблизительное представление о Томске той поры. Реконструкция планировки города и острога по «Росписи» возможна только при условии исторически адекватной топографической привязки всех описываемых в ней объектов, но эти сведения в самой «Росписи» ориентировочны и неконкретны, нуждаются в уточнении со стороны других источников, которые ещё только предстоит найти.

Скудость и неопределённость письменных данных, отсутствие археологических материалов по первой половине XVII в. делают преждевременным восстановление первоначального плана и облика Томска. С сожалением приходится констатировать, что место основания Томска пока остаётся невыясненным. Анализ имеющихся источников заставляет поставить под сомнение кажущуюся тождественность территории города начала XVII в. и кремля середины XVII в.

Обстоятельства выбора места под город проясняются в связи с событиями Томского восстания 1648 г., в письменных источниках по истории которого нашли отклик разногласия томичей по поводу размещения кремля.

Первым в историографии о постройке кремля на новом месте написал в 1903 г. Н.Н. Оглоблин. В своей обстоятельной статье Н.Н. Оглоблин приводит «Наказную память» 1649 г. (157 г.), адресованную преемникам князя О.И. Щербатого, новым томским воеводам М.П. Волынскому и Б.А. Коковинскому. В документе излагаются предшествующие и сопутствующие восстанию 1648 г. события и, в частности, сообщается, что в 156 г. решено. по государеву указу и «градской скаске», *перенести* Томской «город» на новое место (выделено Н.Н. Оглоблиным – М. Ч.) и уже была начата постройка нового «города» (Оглоблин, 1903, с. 8). Но между главным воеводой князем О.Н. Щербатым и вторым воеводой И.Н. Бунаковым возник разлад по поводу того, где и как строить новый кремль. И.Н. Буна-

ков за неправильную с его точки зрения постройку «лаял» князя, во время болезни О.И. Щербатого мешал работе, а затем остановил её совсем. Второй воевода собирался с весны строить «город» на другом, избранном им месте, а не на том, которое избрал князь Осип и градские люди. Они не послушались И.Н. Бунакова, отстаивая и продолжая начатую стройку (Там же, с. 8).

Итак, документ со всей очевидностью свидетельствует, что оба воеводы предлагали, пусть и разное, но *новое*, по отношению к старому, местоположение города-кремля.

В большинстве работ о Томском восстании 1648 г., написанных в советское время, спор между воеводами о месте под городовое строение не фигурирует, исследователи, хотя и были знакомы со статьей Н.Н. Оглоблина, оставили вопрос о перемещении нового кремля без внимания (Флевров, 1954; Бояршинова, 1956; Чистякова, 1973, 1975; Емельянов, 1984; Чупров, 1984). Лишь спустя 85 лет после выхода статьи Н.Н. Оглоблина разногласия по поводу выбора места под город были освещены, на базе нового круга письменных источников, в статье, а затем в монографии Н.Н. Покровского (1987, 1989). Исследования Н.Н. Покровского доказали факт существования различных мнений о размещении города: введённые им новые данные помогли воссоздать более подробную и достоверную картину развития событий и понять подлинную значимость местоположения кремля в жизни горожан.

Выбор места под кремль вызвал широкий резонанс среди томичей, внёс раскол в среду властей и жителей при определении того, где «быть пристойно городу». Князь Щербатый в отписке, посланной в Сибирский Приказ в мае 1648 г., сообщал о «всенародном» выборе места через полномочных представителей всех «градских людей», хотя и не стал замалчивать острых споров, разъединивших томичей, в чём он винил И.Н. Бунакова (Покровский, 1989, с. 100).

Решение о размещении нового кремля имело самостоятельное значение для жизни Томска, потому и приобрело широкое общественное звучание, не затерялось в череде других жгучих проблем, «обид и теснот», непосредственно касавшихся горожан. Выбор места обладал стратегической важностью, поскольку кремль являлся военно-оборонительным, государственно-политическим, административно-идеологическим центром города и округа и эффективность функционирования кремля в этом качестве во многом определялась его местоположением. Расхождение мнений относительно размещения городского центра не имеет чрезвычайного характера и оправдано с точки зрения подбора наиболее выгодной позиции. Тот факт, что в Томске разногласие достигло размаха социального конфликта, видимо, объясняется конкретной ситуацией: строительство совпало по времени с восстанием, каждая из противоборствующих сторон, стремясь упрочить свои позиции, использовала в качестве аргумента свой выбор расположения столь важного государственного объекта, а критикуя мнение противника, добивалась отягчения его вины. Однако сколь бурно ни развивались события, каков бы ни был оставшийся неизвестным вариант

(или варианты) размещения нового центра, реальный выбор был сделан в пользу южного мыса Воскресенской горы, город был возведён здесь, вопреки противодействию И.Н. Бунакова и его сторонников.

Археологическими изысканиями на южном мысе Воскресенской горы культурные напластования первой половины XVII в. не обнаружены. Оборонительные стены, внутрикрепостные сооружения, коллекция предметов материальной русской культуры и быта относятся ко второй половине XVII – XVIII в.; памятник датируется не ранее чем серединой XVII в. и представляет собой остатки кремля, построенного в 1648 г.

Анализ комплекса исторических источников (археологических, письменных, картографических, иллюстративных) позволяет прийти к заключению, во-первых, об отсутствии данных, определенно указывающих на совпадение территории Томского города-кремля на разных этапах его существования: во-вторых, о том, что в 1648 г. центр города был перенесён на новое место и кремль *впервые* был построен на южном мысе Воскресенской горы, который с этого времени закрепился в живой памяти поколений как историческое ядро Томска.

Соответствовало ли выбранное место предназначению кремля, если да, то почему эта площадка впервые была использована для размещения центра русского города? Согласно археологическим данным допустимо следующее объяснение. В ходе раскопок на южном мысе Воскресенской горы были обнаружены могилы, одна из которых, по определению В.И. Матющенко, принадлежала томским татарам и датируется XV–XVI вв. (Матющенко, 1968, с. 12–13, рис. 11, фото 10), другая, значительно поврежденная при прокладке электрокабеля, представляла собой групповое захоронение из трёх погребённых и относится, по всей видимости, к X–XI вв. (Чёрная, 1987, с. 37, 40, рис. 26, 28). Не исключено существование других захоронений на мысе. Стратиграфическая ситуация: расположение могил на материке, перекрытие их культурными напластованиями XVII–XVIII вв. определенно указывает на то, что захоронения были произведены в период, предшествующий сооружению русского города. Данных о том, что зуштинские татары, проживавшие на томской земле, продолжали хоронить своих умерших на мысе в момент прихода русских, нет. Но память о мысе как о погребальном месте могла сохраняться в аборигенной среде, что стало известно русским, которые из уважения к этой памяти и из дипломатических соображений, вероятно, сочли невозможным поначалу разместить на удобной, пустующей площадке поселение.

По прошествии с 1604 г. более четырёх десятилетий изменилась политическая ситуация и архитектурно-планировочная среда. К середине XVII в. прочно закрепилось положение Томска как важнейшего форпоста русской колонизации. Если в конце XVI – начале XVII в. Томская волость являлась вотчиной зуштинского князца Тояна, то, отдав в 1604 г. себя и своих людей под «высокую руку» Бориса Годунова, Тоян признал, что отныне верховное право на владение томской землицей принадлежит «белому царю». В соответствии с этим постепенно упрочивалось доминирующее положение русского города во всей округе. По мере всё более тесного ок-

ружения городской застройкой южный мыс Воскресенской горы утрачивал функцию древнего погребального места предков, освященного памятью потомков, да и сама память исчезала тем быстрее, чем скорее укреплялся и разрастался русский центр.

К середине XVII в. Томск композиционно делился на части: «город» с «верхним» острогом-посадам на горе и «нижний» подгорный посад, огороженный в воеводство князя П.И. Пронского в 1630 г. новой острожной стеной (Миллер, 1941, прил. № 281, с. 372). Перенос в 1648 г. «города» на незастроенный участок мыса Воскресенской горы объединил отдельные части в единый архитектурно-планировочный ансамбль, в котором роль главного градообразующего элемента играл вновь построенный кремль. Господствующее положение кремля на южном мысе Воскресенской горы в определённой степени предопределило размещение на другом высотном участке – Юрточной горе – Богородице – Алексеевского мужского (1663 г.) и Христорождественского девичьего (1671 г.) монастырей (Беликов, 1898). Расположение по обеим сторонам р. Ушайки таких очевидных высотных доминант привнесло пропорциональность в композиционную схему города, подчинив растущую низкую обывательскую застройку. Монастыри, церкви и главным образом кремль «держали» всю городскую панораму, создавая разновеликий, но гармоничный живописный силуэт, в чём можно убедиться, глядя на виды Томска, запечатленного художниками XVIII в.

Выбор южного мыса – Воскресенской горы под строительство нового «города» был не только правильным, но и наилучшим, поскольку кремль помещался в самый центр городского ландшафта, что обеспечивало его господство в архитектурно-планировочной среде, отражало и подчеркивало суть кремля как объединяющего центра, который доминирует, направляет и вместе с тем сплачивает в единое целое многогранную жизнь города.

Решение о размещении кремля на указанной площадке было оптимальным и для реализации военно-оборонительной функции. Обязательное требование – преобладание укрепления над всей округой с тем, чтобы увидеть врага уже на дальних подступах к городу – было соблюдено. Однако соответствие южного мыса Воскресенской горы только этому требованию не объясняет в полной мере сделанного выбора, ведь эта площадка была не единственным высотным участком. Расположение нового кремля именно на южном мысе обеспечило эффективную защиту разросшегося у юго-западного подножия горы нижнего посада, который находился в наиболее уязвимом положении. Низкое расположение подгорного посада ослабляло оборонные функции его острожных стен и башен, построенных в 1630 г. Сооружение кремля на выбранной площадке было, с одной стороны, логичным завершением горизонтальной линии обороны, связавшей верхний острог в северной части Воскресенской горы с новыми кремлёвскими укреплениями на её южном мысе, с другой стороны, создавало вертикальную террасную, двухъярусную оборонительную линию: нижний острог – у подножия, кремль – на горе. Верхняя линия обороны позволяла

вести бой на дальней дистанции, а в случае прорыва врага к нижнему острогу поддерживать его защитников прицельным пушечным огнем и вылазками гарнизона из кремля. Такая взаимосвязанная система обороны могла возникнуть только при условии размещения нового кремля на южном мысе Воскресенской горы.

Верность принятого решения зачастую приобретает силу очевидности лишь со временем, когда становится узнаваемым, повседневным, привычным настолько, что какой-либо другой вариант просто немыслим, а поначалу вызывает непонимание, неприятие и даже острое сопротивление. Именно такие метаморфозы произошли в общественных взглядах на место, занимаемое кремлём: в момент выбора площадки под строительство – разногласие, перешедшее сначала в конфронтацию, а затем в открытый конфликт, спустя почти столетие Г.Ф. Миллер утверждал: «Что касается места, которое было выбрано для города, то, пожалуй, трудно найти там другое более удобное» (Миллер, 1937, с. 313). Это утверждение Г.Ф. Миллера примечательно тем, что оно основано на устоявшемся за прошедшие неполные 100 лет мнении о выгодной позиции города-кремля. Сегодня южный мыс Воскресенской горы ассоциируется с местом основания Томска, единственным, раз и навсегда определённым.